

A romantic scene featuring a man and a woman in a medieval or fantasy setting. The woman, in the foreground, has long dark hair adorned with a crown of white daisies and wears a dark green dress with gold embroidery. The man, behind her, has long dark hair and wears a light-colored tunic with a patterned collar and a leather belt. They are standing by a body of water at night, with a full moon in the sky and a lit-up building in the background. The text 'Имя, сказанное ранее' is overlaid in a large, elegant, white serif font.

Имя,
сказанное
ранее

Эва Ренар

Имя, сказанное раньше

«Автор»

2026

Ренар Э.

Имя, сказанное раньше / Э. Ренар — «Автор», 2026

Имя — не просто звук. Произнесённое в нужный час, оно связывает человека с миром живых. Сказанное раньше — может открыть дорогу тому, что должно было остаться по другую сторону. После встречи у Тарвы жизнь Арена уже не может стать прежней. Чем ближе он оказывается к Эйре, тем настойчивее прошлое напоминает о тайне, скрытой в его рождении. В Велине нарушается привычный порядок, древние границы становятся тоньше, а знакомые места начинают хранить чужие следы. Чтобы не потерять друг друга, Арена и Эйре придётся понять, кому принадлежит имя, которое река услышала много лет назад. Но некоторые тайны опасны не потому, что их скрывают, — а потому, что они всё это время ждали, когда о них вспомнят. «Имя, сказанное раньше» — продолжение романтического фэнтези о древних обрядах, пробуждающейся тайне и любви, которой предстоит пройти первое настоящее испытание.

© Ренар Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Своим голосом	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эва Ренар

Имя, сказанное раньше

Глава 1

Своим голосом

— Я здесь.

Арен не сразу понял, что слова прозвучали вслух — не у него в голове и не в воспоминании. Рядом, чуть правее тропы, между двумя тёмными стволами. Голос был его собственным: та же низкая хрипотца после холодной воды, та же привычка слегка растягивать первое слово, когда он отвечал неохотно, та же короткая пауза перед вторым. Только губы Арена не шевельнулись.

Он остановился. До Велина оставалось недалеко. Между деревьями уже виднелись первые огни — три жёлтых пятна, размытых вечерним туманом. За последними домами лаяла собака; оттуда тянуло дымом, тёплым хлебом и навозом с конюшен. Знакомые запахи и звуки. Дом был впереди.

Но лес вокруг тропы молчал: не шелестели листья, не скрипели ветви, не шуршал мелкий зверь в сухой траве. Даже ветер, ещё недавно шедший со стороны Тарвы, исчез, хотя его холод оставался на мокрой одежде. Арен повернул голову. За первым рядом деревьев начиналась темнота: невысокий склон, корни, вышедшие из земли, старая звериная тропа, уводящая к оврагу.

Никого.

Холод под рёбрами сжался. После разговора с Эйрой он почти перестал его ощущать, а теперь внутри снова лежал тяжёлый речной камень. От него к горлу тянулась тонкая ледяная полоса. Арен не ответил. Голос повторил:

— Я здесь.

На этот раз слева. Ближе. Арен положил ладонь на рукоять ножа. Бесполезно — ножом нельзя перерезать звук. Но потёртая кожа под пальцами, трещина возле наворачия и тепло собственной ладони были настоящими. Он заставил себя смотреть вперёд. Эйра просила не отвечать, если кто-то позовёт с другого берега. Здесь не было другого берега — только лес и собственный голос, почему-то ждавший ответа. Арен сделал шаг.

Под сапогом хрустнула сухая ветка. Из темноты справа пришёл такой же хруст. Немного раньше. Он замер. Лес тоже. Арен продолжил идти. Один шаг.

Второй.

Третий.

Чужие шаги двигались рядом. Иногда отставали. Иногда совпадали с его собственными. Один раз раздались впереди, хотя тропа оставалась пустой. Он не оборачивался. Огни Велина должны были становиться ближе. Не становились. Те же три жёлтых пятна висели между стволами на одинаковом расстоянии.

Арен прошёл достаточно, чтобы выйти к первым огородам. Он знал эту дорогу. От брода до Велина можно было дойти даже в полной темноте, не считая шагов. Но тропа всё ещё шла под деревьями. Он остановился. Позади, сквозь стволы, проступала слабая серебристая полоса Тарвы. Слишком близко. Арен обернулся вполоборота. Дорога к реке лежала там, где должна была. Значит, он почти не продвинулся. Или лес передвигал огни вместе с ним.

— Не туда.

Голос прозвучал впереди. Снова его собственный. Только интонация стала другой. Мягкой. Почти заботливой. Так Велар разговаривал с испуганной лошастью, когда не хотел тянуть её силой.

— Не туда, — повторил лес. — Ты уже пришёл.

Холод поднялся к горлу. Арен продолжил путь. Не отвечать. Не признавать, что голос обращён к нему. Он не знал правил, но существо слишком настойчиво требовало ответа, чтобы давать его добровольно.

— Скажи, что слышишь.

Теперь справа.

— Ты ведь слышишь.

Арен сжал зубы. Тропа впереди раздваивалась. Он остановился. Этого поворота не существовало. Слева дорога поднималась вверх, в сторону Велина. Справа спускалась между деревьями. Там, за низким кустарником, блестела вода.

Тарва.

Арен только что ушёл от реки. Не мог снова оказаться возле неё. Он присел и коснулся земли. Почва была сухой. Под пальцами лежали хвоя и мелкая пыль. Влажного песка не было. Запах воды доносился с другой стороны — слабый, но настоящий. То, что блестело между деревьями, не было Тарвой. Арен поднялся. На левом повороте росла старая сосна с расщеплённым стволом. Он знал её.

В детстве они с Альной прятали в глубокой трещине плоские камни. Каждый изображал то, что они собирались когда-нибудь найти: монету, конскую подкову, серебряный браслет. Через неделю камни неизменно исчезали. Альна была уверена, что дерево исполняет желания. Арен подозревал местных мальчишек. Он подошёл к сосне. Провёл пальцами по коре. Трещины не было. Ствол оказался целым. Арен отступил.

— Теперь видишь.

Голос прозвучал у самого плеча. Он резко обернулся.

Никого.

Только его тень, вытянувшаяся между корнями. Но свет находился впереди. Тень лежала в неправильную сторону. Арен опустил взгляд. Тёмный силуэт повторял очертания его тела: плечи, голову, руку возле ножа. Потом тень подняла лицо. Сам Арен не двигался. На месте рта появилась узкая светлая полоса.

— Назови себя.

Он отступил. Тень осталась возле дерева. Не последовала.

— Назови себя.

Теперь слова прозвучали без хрипоты и дыхания. Так мог бы говорить человек, которому тело больше не мешает. Холод внутри дёрнулся, будто за него потянули. Арен отвернулся. Если тропа лжёт, нужно найти то, что лгать не умеет. Наклон земли. Вода. Запах. Он прикрыл глаза. Тарва находилась ниже и правее. Оттуда тянуло мокрым камнем и холодным илом. Велин лежал выше. Значит, нужно идти против склона. Не туда, где показывают огни.

Арен свернул с тропы и начал подниматься между деревьями. Кусты цеплялись за одежду. Ветки били по лицу. Под ногами скользили хвоя и сухие листья. За спиной снова раздались шаги. Быстрые. Его собственные. Кто-то шёл рядом, но не продирался через кусты. Не ломал ветви. Не скользил по земле. Просто тяжело ступал по невидимой ровной дороге.

— Ты уходишь не туда.

Голос приблизился.

— Там нет дома.

Арен переступил через корень.

— Велар не ждёт.

Нога соскользнула. Он удержался за ствол. Не потому, что поверил. Потому что голос выбрал правильное имя. Велар. Дом. Пустая кружка на столе. Отец, который делает вид, что занят ножом или конской сбруей, а сам прислушивается к каждому шагу во дворе. Голос заметил остановку.

— Он знает, что ты не вернёшься.

Арен пошёл дальше.

— Уже ждал однажды.

Интонация стала веларовской. Не сам голос. Только тяжёлая сдержанность.

— Когда ты не дышал.

Арен замер. Слова ударили точнее, чем собственное имя. Из темноты впереди раздался кашель младенца. Слабый. Короткий. Потом — женский плач. Арен не мог помнить ночь своего рождения. Не мог знать, как звучала мать, когда держала на руках ребёнка, который не дышал. Лес тоже мог не знать. Ему не нужна была правда. Достаточно было звука, который Арен хотел бы услышать.

— Она назвала тебя первой, — произнёс его голос. — Хочешь узнать, как?

Холод натянулся до боли. Тело само повернулось к звуку. Арен остановил движение. Хотелось услышать. Не потому, что он доверял лесу. Потому что мать умерла, когда он был ребёнком, и от её голоса сохранились только обрывки: тихая песня без начала, смех возле печи, имя, которое она произносила из окна. Лес мог вернуть ему хотя бы похожее. Арен закрыл глаза. Не слушать смысл. Только звук. Но звук был самым опасным.

— Арен.

Женский голос. Не материнский.

Эйра.

Он пришёл снизу, со стороны реки. Настоящее дыхание. Знакомая сдержанность. Едва заметная тревога, которую она старалась скрывать. Арен открыл глаза. Между деревьями виднелась тёмно-зелёная ткань. Медные волосы. Эйра стояла возле спуска к Тарве.

— Сюда, — сказала она.

Арен сделал шаг. Остановился. Утром она сказала: если услышишь голос с другого берега — не отвечай. Вечером просила вернуться до темноты. Она могла почувствовать опасность. Могла прийти. Но могла и не знать, где именно он находится. Арен смотрел на фигуру.

— Быстрее, — произнесла Эйра. — Оно рядом.

Ветер не трогал её волосы. Под ногами не было следов. Мягкая хвоя должна была промяться хотя бы под одним сапогом. Фигура протянула руку.

— Арен.

Он отступил. Лицо Эйры изменилось. Не исказилось. Просто стало пустым, как маска, с которой сняли выражение.

— Ты ведь хотел, чтобы я пришла.

Голос оставался её. В точности. Даже пауза перед последним словом.

— Я пришла.

Арен развернулся и пошёл вверх. Не побежал. Бег означал бы, что он признал погоню. За спиной ветви не шевельнулись. Фигура Эйры осталась возле спуска. Но её голос появился впереди:

— Ты сам хотел меня видеть.

Справа:

— Посмотри.

Слева:

— Это я.

Арен не оборачивался. Лес вытаскивал не только знакомые голоса. Он находил то, что за ними стояло. Велар — дом. Мать — утраченная память. Эйра — желание вернуться. Каж-

дое узнавание делало звук ближе. Склон закончился. Впереди должно было открыться поле. Но между деревьями снова блестела вода. Серая полоса лежала слева. Другая справа. Третья впереди. Ложная Тарва окружила его.

Арен вытащил нож и провёл лезвием по коре ближайшей берёзы. На белом стволе осталась длинная царапина. Он сделал двенадцать шагов прямо. Перед ним стояла другая берёза. С такой же царапиной. Арен остановился. Лес не заставлял его ходить по кругу. Он менял то, что Арен видел. Холод под рёбрами стал тоньше и острее. Не зелёная связь Альны. Та ощущалась иначе — как давление в груди, как ладонь, удерживающая от падения.

Это было похоже на крючок, зацепившийся за звук его имени.

— Скажи, кто ты.

Из темноты вышла Эйра. На этот раз ближе. Лицо было ясным. Зелёные глаза. Высокие скулы. Медная прядь на щеке. Почти настоящая. Только улыбалась она слишком легко. Эйра не улыbnулась бы сейчас.

— Скажи, кто ты, — повторила фигура. — Я выведу тебя.

Арен молчал.

— Боишься собственного имени?

Она сделала шаг. Хвоя под ногой примялась.

Лес учился.

— Оно и так тебя знает.

Ещё шаг.

— Река слышала дважды.

Арен замер. Это была не случайная догадка. Существо знало о двух откликах. Или слышало это через него.

— В первый раз ты уже уходил, — сказала ложная Эйра. — Во второй тебя называли живым.

Она протянула руку.

— Ответь, и узнаешь, какой голос настоящий.

Арен не двигался. Горло сдавило. Стало трудно вдохнуть. Казалось, если он не произнесёт хотя бы одно слово, воздух больше не войдёт. Он заставил себя считать удары сердца.

Один.

Второй.

Третий.

Фигура остановилась в двух шагах.

— Арен.

Его голос. Лицо Эйры.

— Я здесь.

Вода ударила в землю между ними — не сверху, а снизу. По корням прошла зелёная вспышка, и холодная струя разрезала слой хвои, расплескавшись по сапогам. Фигура дёрнулась. Лицо потеряло очертания, медные волосы стали тёмными ветвями, рот растянулся полосой тумана — и всё исчезло. Настоящая Эйра стояла за спиной Арена. Одной рукой она держала его за запястье, другой прижимала к старому порезу серебролист.

Тот самый, который впитал его кровь между берегами и не увял после перехода в Велин. Теперь серебряные прожилки потемнели, а края дрожали без ветра.

— Не отвечай тому, чего не видишь, — сказала Эйра.

Арен резко повернул голову.

— Как ты...

Она прижала палец к его губам.

— Не называй себя.

Из темноты справа сразу донеслось:

— Арен, это я.

Голос Эйры. Настоящая Эйра стояла так близко, что он чувствовал холод её дыхания на щеке. Она не шевелила губами.

— Смотри на меня, — тихо сказала она.

Лес повторил:

— Смотри на меня.

Арен смотрел в зелёные глаза перед собой.

— Мне можешь отвечать, пока видишь меня и чувствуешь лист, — продолжила она. — Но не откликайся на голос из темноты. И не произноси своё имя.

Арен коснулся листа пальцами. Холодный. Влажный. Настоящий.

— Как ты меня нашла?

— Лист почернел у ивы и потянулся прожилками к ближнему берегу. Потом на рушнике появилась тень.

Лес повторил её голосом:

— Она лжёт.

Эйра не посмотрела в сторону звука.

— Идём к реке. Держись за меня.

Она взяла его ладонь и положила себе на плечо. Под пальцами оказалась плотная влажная ткань. Под ней — напряжённое тело.

— Не отпускай, даже если услышишь, что я прошу.

Из темноты сразу прозвучало:

— Отпусти меня.

Арен сжал ткань сильнее. Эйра пошла вниз по склону. Он следовал за ней, не отрывая взгляда от медных волос. Вокруг звучали шаги — справа, слева, впереди. Лес больше не пытался вести его одним голосом: теперь говорил сразу несколькими.

— Арен, — позвала Альна. — Ты обещал не лгать.

— Вернись домой, — сказал Велар.

— Не зови прежде срока, — предупредила Савея.

Потом донёсся женский голос — может быть, материнский, а может быть, такой, каким Арен хотел его помнить. Пальцы на плече Эйры дрогнули. Она обернулась.

— Не слушай слова. Только иди.

— Оно знает об обряде.

— Знает звук имени. Возможно, слышало его раньше нас.

— Ты уже встречала такое?

Эйра не ответила сразу. Лес заговорил её голосом:

— Я уже звала тебя.

Она побледнела. Совсем немного.

— Подобное уже было, — сказала Эйра. — В ночь после Купалы чужая вода произнесла твоё имя моим голосом.

Арен посмотрел на неё.

— Чужая вода?

— Болотный след пересёк границу и вошёл в Тарву. Я уничтожила его, но он успел запомнить звук.

Лес отозвался её голосом:

— Запомнил.

Эйра ускорила шаг.

— Это может быть та же сила. Или нечто, что прошло по оставленной дороге.

— Что ему нужно?

— Если я права, ему недостаточно знать имя. Нужен ответ живого человека, который его носит.

— Зачем?

— Чтобы отличить тебя от двух следов, которые хранит Тарва.

Она не говорила так, будто знала наверняка: подбирала слова и проверяла их на ходу.

— Пока ты не откликнулся, у него есть два отзвука: один из ночи рождения, второй — с девятого дня.

— А если откликнусь?

— Оно поймёт, какой из них принадлежит тебе сейчас.

— И что сделает?

— Не знаю.

Арен тяжело выдохнул.

— Очень успокаивает.

— Правдивее, чем выдуманный ответ.

Между деревьями появилась настоящая Тарва. Не гладкие серые полосы, а течение. Запах мокрых камней стал резче. Под ногами появился влажный песок. Эйра вывела его к воде ниже старого брода.

— Почему не к переходу?

— Лес уже знает, куда ты идёшь. Сначала войдём в течение и пройдем вдоль берега.

— Ты говорила не переходить ночью.

— Сейчас опаснее оставаться под деревьями.

Арен ступил в воду. Холод поднялся до щиколоток. Лес за спиной заговорил его собственным голосом:

— Не надо.

Вода дошла до колен.

— Она ведёт не туда.

Эйра вошла рядом. Течение обхватило её одежду.

— Держи лист.

Арен прижал серебролист к запястью. Прожилки на нём снова потемнели. Когда голос звучал из леса, край листа загибался в его сторону.

— Он показывает, откуда говорят? — спросил Арен.

— Показывает, где живого пытаются подменить мёртвым или чужим.

— Это существо мёртвое?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком уверенно. Арен посмотрел на неё. Эйра исправилась:

— По крайней мере, я не чувствую в нём человеческой души.

Они пошли вдоль течения. Вода оставалась чуть выше колен. Старый брод не изменился, но берег рядом с ним казался дальше обычного: туман скрывал камни, а лес двигался почти у самой кромки. Между деревьями появлялись Велар, Альна, Савея и мать, лицо которой Арен помнил хуже, чем собственное детство. Один раз он увидел самого себя — мокрого, бледного, с тёмными волосами, прилипшими ко лбу, таким, каким мог выглядеть после Купалы.

— Я вернулся первым, — сказал двойник.

Арен отвернулся.

— Оно лжёт, — произнесла Эйра.

— Знаю.

— Не отвечай ему даже движением.

— Мысли оно слышит?

— Не думаю. Но замечает, на что отзывается память.

— Разница небольшая.

— Для нас — большая.

В отражении рядом с Ареном шёл другой человек. То же лицо. Та же одежда. Только отражение смотрело не вниз. Прямо на него. Его губы беззвучно произнесли имя. Арен дёрнул руку. Серебролист почернел по краю. Эйра сразу остановилась.

— Что увидел?

— Себя в воде.

— Он говорил?

— Без голоса.

Она посмотрела на отражение. Там были только волны.

— Оно уже не только в лесу.

— Перешло в Тарву?

— Нет.

Эйра коснулась поверхности двумя пальцами. Вода вокруг руки осталась чистой.

— Река его не приняла. Оно отражается через тебя.

Холод под рёбрами снова сжался.

— Значит, оно во мне.

— Нет.

— Ты уверена?

— Если бы вошло, серебролист не различал бы вас.

Она подняла его запястье. Лист оставался серебряным в середине, только края темнели.

— Оно коснулось отклика. Но ещё не закрепились.

— Как закрепится?

Эйра посмотрела на него.

— Ответом.

Лес заговорил голосом Велара:

— Сын.

Арен стиснул зубы. Отец редко называл его так. Именно поэтому слово ударило сильнее.

— Вернись.

Между деревьями появилась фигура Велара. Широкие плечи. Рабочая куртка. Седина у виска. Он стоял на краю воды и смотрел на Арена.

— Я жду.

Эйра шагнула между ними.

— Смотри на лист.

Арен опустил взгляд. Край серебролиста был чёрным со стороны фигуры. Настоящий Велар не смог бы так изменить растение.

— Я знаю, что это не он.

— Хорошо.

— Но он действительно ждёт.

— Поэтому голос и выбрал его.

Фигура подняла руку.

— Арен.

Холод внутри ответил. Не словами. Привычным движением к отцу. Шагом домой. Эйра коснулась лица Арена и повернула к себе.

— Ты обещал вернуться.

— Да.

— Вернёшься. Но не к этому.

Он смотрел в её глаза. Близко. Достаточно, чтобы различить тонкие светлые полосы вокруг зрачков. Фигура Велара исчезла. Голос продолжил:

— Она удержит тебя на своей стороне.

Арен не обернулся.

— Ты уже выбрал её.

Эйра вздрогнула. Едва заметно.

— Оно ищет, на что ты ответишь, — сказала она.

— И у тебя.

— Я ему не нужна.

— Использует твой голос.

— Потому что он нужен тебе.

Арен не нашёл, что возразить. Они дошли до старого брода. Вода здесь была привычной глубины — чуть выше колен, камни лежали на прежних местах, а в тумане на дальнем берегу темнела старая ива. Роем стоял у её корней, там, где и должен был быть. Он смотрел не на Арена, а на белый свёрток в нише.

— Тень стала длиннее, — сказал он.

Эйра остановилась.

— На рушнике?

— Под ним.

— Не трогал?

— Нет.

Арен почувствовал, как холод в груди потянулся к иве. Не к лесу за спиной. К ткани.

— Оно уже там, — сказал он.

— Не обязательно.

Эйра сжала его руку.

— Переходим.

Они шагнули на первый камень. С ближнего берега снова заговорили голоса.

— Арен.

— Вернись.

— Я здесь.

— Назови себя.

Он молчал. На середине брода холод внутри резко потянул назад. Арен пошатнулся, и Эйра обхватила его за пояс.

— Не останавливайся.

— Оно держит.

— Не оно. Отклик, которого коснулся голос.

Она говорила напряжённо — не как человек, знающий ответ, а как тот, кто пытается понять происходящее быстрее, чем оно успеет убить. Вода вокруг ног пошла кругами. Первый разошёлся от движения, второй поднялся дальше, из глубины, и двинулся следом за Ареном.

— Первый отклик, — сказала Эйра.

— Почему он движется?

— Голос тянет его через тебя.

Арен сделал ещё шаг. Вода доходила лишь до колен, но давила так, словно поднялась до груди. Имя приблизилось к горлу — не звук, а знание о самом себе. Арен. Человек, которого называли дважды. Если произнести его, всё станет проще: голос получит ответ, а он сам — возможность вдохнуть. Арен сжал зубы.

— Не произноси, — сказала Эйра.

Он кивнул. Горло свело болью. Роем уже стоял у самой воды.

— Дай ему другое.

Эйра повернулась к нему.

— Что?

— То, что не имя.

Она поняла.

— Смотри на меня. Не говори — только показывай. Кто ждёт в Велине?

Арен провёл ладонью по подбородку — привычным жестом Велара — и указал на огни.

— Кто удержал тебя утром?

Он положил руку на грудь, где отзывалась зелёная нить, и снова указал на Велин.

— Кто ведёт тебя сейчас?

Коснулся плеча Эйры.

— Где твой дом?

Указал на огни.

— Кто ты?

Имя снова поднялось к губам. Эйра покачала головой.

— Не имя. Что ты делаешь?

Арен показал ладони с мозолями, затем повторил движение, которым затягивал подпругу.

— Лошади, — сказала Эйра. — Что ещё?

Он указал на Велин, потом на неё, Роена и Тарву. Всё, что связывало его с жизнью, не помещалось в одном имени. Давление в горле ослабло. Зелёная нить отозвалась тёплым натяжением — не присутствием Альны, а её именем на рушнике, связью с Велином и живыми. Арен вдохнул. Холодный крючок не исчез, но перестал тянуть.

— Иди.

Они сделали последние шаги. Когда Арен ступил на дальний берег, первый отклик рванул его обратно в течение. Зелёная связь натянулась к Велину, но не утянула — удержала среди живых. А голос продолжал звать из леса на ближней стороне. На мгновение он оказался между водой, живым берегом и чужим зовом. Арен упал на колени.

Они вытащили Арена под ветви ивы. Он лёг на спину, пытаясь вдохнуть. Над ним качались тёмные листья. Ветер снова двигал их. Где-то закричала ночная птица. Лес на ближнем берегу перестал молчать. Зашуршала листва. Хрустнула кора. Издалека донёсся лай. Обычные звуки вернулись слишком внезапно. Эйра опустилась рядом. Пальцы легли на шею Арена.

— Сердце ровное.

— Я чувствую.

— Хорошо.

— Горло болит.

— Ты почти назвал себя.

— Не назвал.

— Поэтому лежишь здесь, а не отвечаешь из леса.

Арен сел. В голове шумело. Роен стоял напротив и смотрел на его грудь.

— Тёмное осталось.

Эйра повернулась.

— Где?

— Под именем.

Арен провёл ладонью по мокрой рубашке.

— На мне нет вышитого имени.

Роен наклонил голову.

— Вышитого нет.

— Что ты видишь?

Он задумался.

— Место, куда оно хочет лечь.

Эйра подошла к нише между корнями. Рушник снова лежал свёрнутым; тесьма была затянута, но одна складка оставалась открытой, чтобы видеть зелёную нить. Рядом с ней про-

ступала тонкая тёмная полоса — не стежок, а его тень, словно настоящая нить лежала с изнанки полотна. Эйра не коснулась ткани. Только наклонилась. Арен подошёл ближе. Холод под рёбрами отозвался. Тёмная линия дрогнула.

— Назад, — сказала Эйра.

Он отступил. Полоса снова стала неподвижной.

— Значит, реагирует на меня.

— На отклик, которого коснулся голос.

— Это одно и то же?

— Нет.

— Какая разница?

Эйра смотрела на ткань.

— Ты — живой человек. Отклик — то, что Тарва запомнила, когда слышала имя. Пока голос тянет только память.

— Но хочет добраться до меня.

— Похоже.

Арен вытер мокрое лицо ладонью.

— Значит, болотный след уже знал звук моего имени.

— Да. Но звук — ещё не ты.

— Чего ему не хватает?

Эйра посмотрела на тёмную полосу.

— Твоего ответа. Имя без него принадлежит всем следам сразу: тому, что Тарва услышала в ночь рождения, тому, что закрепили на девятый день, и тому, кого зовут живые.

— Ответ выбирает один.

— Если я права.

Она не скрывала сомнения.

— Голос ищет живого тебя. Если найдёт, вместо тени появится настоящая нить.

— К тому, кто зовёт?

— Да.

— Тогда по ней можно будет его найти.

— Ценой связи с твоим именем.

— Ты сможешь пройти по ней?

— Попытаюсь. Но для этого придётся войти туда, где держатся оба отклика. Я не знаю, что останется от тебя, если ошибусь.

Роен сел возле корней.

— Не ошибайся.

Эйра посмотрела на него.

— Очень полезно.

— Арен так говорит.

Несмотря на холод, у Арена дрогнули губы. Совсем немного. Напряжение не исчезло. Но перестало заполнять всё пространство под ивой. Эйра собрала сухие ветви и разожгла небольшой огонь между камнями.

— До рассвета останешься здесь, — сказала она.

— Велар ждёт.

— Знаю.

— Он придёт искать.

— К реке не подойдёт.

— Ты не знаешь моего отца.

— Он уже видел достаточно, чтобы бояться Тарвы.

Арен хотел возразить. Вспомнил лицо Велара после рассказа о воде, поднявшейся к ногам сына.

— Нужно передать, что я жив.

Эйра посмотрела на Роена.

— Дойдешь до последнего камня со стороны Велина?

— Да.

— На берег не выходи. Если Велар придет к броду, позови его через воду.

— А если не придет?

— Оставь знак на камне у тропы.

Арен снял с пояса кожаный ремешок, которым обычно связывал перчатки.

— Положи это на последний камень. Он узнает.

Роен взял ремешок двумя пальцами.

— Что сказать?

— Что я жив и до рассвета останусь у ивы. К воде не заходить.

— Кто говорит?

— Я.

Эйра покачала головой.

— Скажи, что это решила хранительница.

— Тогда он точно войдет в воду, — заметил Арен.

— Почему?

— Из упрямства.

Роен посмотрел на Эйру.

— У живых это часто?

— Очень.

— Тогда скажу: Арен жив. Вернется после рассвета. Если войдешь в воду, не вернется.

Арен поднял брови.

— Это неправда.

— Зато не войдет.

Эйра задумалась.

— Скажи только первые две части.

Роен ушел к воде. Серая фигура растворилась в тумане у последнего камня, где течение отделяло его от живой земли. Арен сел у огня. Пальцы всё ещё дрожали. Не сильно. Достаточно, чтобы заметить. Эйра сняла темную накидку и протянула ему.

— Надень.

— А ты?

— Не замёрзну.

— Потому что мёртвая?

Она посмотрела на него.

— Потому что привыкла.

Накидка пахла холодной травой, дымом и серебролистом. Сначала ткань была прохладной, но быстро согрелась от тела. Эйра осталась напротив. Огонь освещал её лицо снизу. В таком свете глаза казались темнее.

— Оно использовало тебя, — сказал Арен.

— Мой голос.

— И лицо.

— Ты поверил?

— Почти.

— Что выдало?

— Ты улыбалась.

Эйра подняла бровь.

— Я умею улыбаться.

— Не так.

— Как?

— Слишком легко.

Она опустила взгляд к огню.

— Значит, в следующий раз оно будет осторожнее.

— Очень утешительно.

— Я не пытаюсь утешить.

Арен посмотрел на серебролист, лежавший рядом с ней. Чёрный край постепенно светлел.

— Почему лист выжил?

— Потому что уже признал твою кровь.

— И теперь может отличить меня от голоса?

— Не тебя от голоса. Живое присутствие от подмены.

— Поэтому ложная Эйра не оставляла следов?

— Она не была телом.

— Но потом хвоя примялась.

— Оно училось на твоих сомнениях.

Арен провёл ладонью по лицу.

— Быстро учится.

— Ты много ему показал.

— Я молчал.

— Память тоже отвечает. Не словами, но движением. Ты остановился на голосе Велара.

Повернулся на плач матери. Почти пошёл к моему лицу.

— Значит, молчать недостаточно.

— Достаточно, чтобы не дать ему закрепиться. Но спрятать всё, на что ты отзываешься, не получится.

— Очень удобно устроено.

— Для него — да.

Некоторое время они молчали. Тарва текла рядом. На другом берегу лес выглядел обычным. Тёмные стволы. Туман между корнями. Ни фигур, ни голосов. Но Арэн больше не верил обычному виду.

— Оно солгало, когда сказало, что в первый раз я уже уходил?

Эйра подняла голову.

— Не знаю, куда именно ты уходил. Но ему ты не принадлежал.

— Уверена?

— Первое имя приняла Тарва. Савей использовала её воду.

— Но голос мог слышать вместе с рекой.

— Мог.

— Откуда?

— Из места, куда ты уже начал уходить.

— Со стороны мёртвых?

Эйра помолчала.

— Не всё за границей является мёртвым.

— Лайна сказала бы понятнее.

— Лайна назвала бы его женихом.

— Возможно, это помогло бы.

Эйра почти улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной.

— Голос не похож на душу. В нём нет человека, собственной памяти или лица — только то, что он вытаскивает из тебя.

— Значит, дух.

— Возможно.

— Лесной?

Её взгляд ушёл к деревьям.

— Не тот, которого я знаю.

Арен заметил выбор слов.

— Тот, кто приходил после моего ухода, поставил тебя хранительницей?

Эйра замерла. Он понял ответ раньше, чем она произнесла:

— Да.

— Он создал чёрную нить?

— Нет. Он тоже увидел её впервые.

— Кто он?

— Не сейчас.

Арен тяжело выдохнул.

— Ты всё время откладываешь.

— Потому что голос уже нашёл дорогу к одному имени. Я не стану открывать ему другое.

— Его настоящее имя?

— Его не произносят без последствий.

Арен посмотрел на лес.

— Как ты его называешь?

— Тем, кто держит лес. Иногда — Хозяином леса. Ни одно из этих слов не имя.

— Он опасен?

Эйра долго смотрела в огонь.

— Он не злой.

— Это не ответ.

— Для него одна человеческая жизнь мало значит рядом с порядком всей границы.

— Уже лучше.

— Нет. Это страшнее обычной злобы. Злого можно напугать, задобрить или обмануть.

Его — только заставить увидеть, что нарушение порядка опаснее, чем человек.

Арен вспомнил голос из леса.

— Он боится того, что зовёт меня?

— Не боится.

— Но пришёл из-за него.

— Из-за чёрной нити.

— Что сказал?

Эйра посмотрела на свёрнутый рушник.

— Что ты не должен был меня увидеть.

Арен замер. Огонь треснул. Тарва ударилась о камень.

— Почему?

— Потому что я ответила на твой взгляд.

— Ты ничего не сказала.

— Слова не всегда нужны.

— И что изменилось?

— Ты стал заметен для сил, которые раньше видели только два следа имени.

Арен вспомнил ложные огни Велина. Тень, поднявшую лицо. Собственный голос между деревьями.

— Для голоса тоже?

— Возможно.

— Значит, это из-за тебя.

Эйра не отвела взгляд.

— Отчасти.

Он ожидал, что она станет защищаться. Не стала.

— Если бы ты исчезла на Купалу, ничего бы не произошло?

— Ты всё равно оказался между берегами. Река всё равно вернула тебя. Двойной отклик уже существовал.

— Но голос не знал, где живой я.

— Похоже.

— А теперь знает?

Эйра посмотрела на его грудь.

— Пока только ищет.

Роен возник из тумана у последнего камня со стороны Велина, не ступая на живой берег.

— Велар пришёл.

Арен поднялся.

— Что сказал?

— Сначала хотел перейти.

— Я знал.

— Потом увидел ремешок.

— И?

— Спросил, жив ли ты.

— Ты ответил?

— Да.

— Он поверил?

Роен задумался.

— Нет.

— Что сделал?

— Сел у камня.

Арен посмотрел на ближний берег, скрытый туманом.

— Один?

— Да.

Эйра поднялась.

— До рассвета останется?

— Сказал: если Арен может сидеть за рекой, я могу сидеть у камня.

Арен закрыл глаза. Это было очень похоже на Велара.

— Я должен поговорить с ним.

— Не через воду, — сказала Эйра.

— Он ждёт.

— Голос тоже.

— Я не собираюсь называть себя.

— Ему достаточно услышать, кому ты отвечаешь.

Роен посмотрел на обоих.

— Можно не говорить.

Арен поднял голову.

— Как?

— Велар видит огонь.

Эйра посмотрела на пламя.

— Трижды закрой свет.

Арен взял накидку и три раза поднял её перед огнём. Свет исчезал и возвращался.

Раз.

Два.

Три.

На ближнем берегу ничего не произошло. Потом в тумане трижды мелькнул слабый огонёк. Велар понял. Арэн сел обратно. В груди стало немного легче. Не потому, что опасность исчезла. Потому что отец знал: он жив. Роен подошёл к нише.

— Тень стала темнее.

Эйра сразу повернулась. Белый свёрток лежал неподвижно. Зелёный стежок был виден в складке. Рядом проступала тёмная линия. Теперь она казалась почти чёрной. Не настоящая нить. Её изнанка. Или обещание того, что ещё не появилось.

— Она слушает, — сказал Роен.

— Нити не слушают, — ответила Эйра.

— Эта хочет.

Арен почувствовал, как холод под рёбрами отзывается на его слова. Тёмная полоса дрогнула. Эйра встала между ним и рушником.

— Не подходи.

— Я стою на месте.

— Думал о ней?

— Смотрел.

— Этого достаточно.

Арен отвёл взгляд. Линия успокоилась. Огонь потрескивал. На ближнем берегу Велар ждал у камня. Тарва лежала между ними. Арэн впервые за вечер почувствовал, что может дышать без боли.

— Значит, голос остался в лесу, — сказал он.

Эйра не ответила. Роен медленно повернул голову к нише. Из свёрнутого рушника донёсся тихий женский голос:

— Арэн.

Он обернулся. Эйра стояла прямо перед ним. Молчала. Голос прозвучал снова. Её голосом. Из-под белой ткани:

— Ты ведь хотел, чтобы я пришла.

Серебролист у огня почернел целиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.